

УДК 101.8:001.101/.103

DOI: 10.18799/26584956/2025/2/2015

Шифр специальности ВАК: 5.7.7

Интерпретация природы и неклассических характеристик информации: лабиринт исследовательских подходов на пороге XXI века

А.А. Корниенко[✉], С.Б. Кухальский

*Национальный исследовательский Томский политехнический университет,
Россия, г. Томск*

[✉]anna_kornienko@mail.ru

Аннотация. *Актуальность* темы исследования обусловлена отсутствием в настоящее время комплексной теории общества знания – общества, в котором знание и информация являются доминирующими ресурсами. Это те логические конструкты, с опорой на которые формируется теория общества знания.

Цель: сопоставление ряда научных подходов к исследованию знания и информации, выявление степени и масштабов их тождества и различия. **Методы:** методы аналогии и прогнозирования, метод аналогии-переноса, комплексная системная методология и методология прогностического анализа.

Результаты: выявлено различие атрибутивной и функциональной (функционально-кибернетической) концепций информации. Раскрыта роль идей, излагаемых в сегменте информологии и способствующих интенсивному развитию теории информации. Авторы принимают точку зрения, которая заключается в том, что философский базис информологии позволяет поднять изучение феномена информации до уровня исследования информационной реальности и законов информациогенеза. Особое внимание в статье уделено информационно-знаниевому подходу, позволяющему уточнить понятие социально-информационной реальности как семиотической среды и семиотического пространства, формирующих для субъекта смыслы. Знание всегда неразрывно связано с субъектом, который открывает его и применяет в различных условиях и контекстах: при использовании в разных ситуациях знание приобретает новые значения. Однако, когда знание становится автономным и отделяется от субъекта, оно теряет свою динамичность и глубину смыслов, превращаясь в информацию.

Ключевые слова: знание, информация, атрибутивная и функциональная концепции, информология, информационная реальность, информационное пространство, информациогенез, смысл и значение

Для цитирования: Корниенко А.А., Кухальский С.Б. Интерпретация природы и неклассических характеристик информации: лабиринт исследовательских подходов на пороге XXI века // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2024. – Т. 53. – № 2. – С. 195–205. DOI: 10.18799/26584956/2025/2/2015

UDC 101.8:001.101/.103

DOI: 10.18799/26584956/2025/2/2015

Interpreting the nature and non-classical characteristics of information: a labyrinth of research approaches on the threshold of the 21st century

A.A. Kornienko[✉], S.B. Kukhalsky

National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation

[✉]anna_kornienko@mail.ru

Abstract. Relevance. The current lack of a comprehensive theory of the knowledge society – a society, in which knowledge and information are dominant resources. These are the logical constructs, on which the theory of the knowledge society is based. **Aim.** To compare a number of scientific approaches to the study of knowledge and information, to identify the degree and scale of their identity and difference. **Methods.** Analogy and forecasting, the method of analogical transfer, complex systems methodology and the methodology of predictive analysis. **Result.** The authors have revealed the difference between the attributive and functional (functional-cybernetic) concepts of information. They revealed the role of ideas presented in the informology segment and contributing to the intensive development of information theory. The author adopts a point of view, the essence of which is that the philosophical basis of informology allows raising the study of the phenomenon of information to the level of studying information reality and the laws of information genesis. The article pays special attention to the information-knowledge approach, which allows us to clarify the concept of socio-informational reality as a semi-otic environment and semiotic space that form meanings for the subject. Knowledge is always inextricably linked with the subject, who discovers it and applies it in various conditions and contexts: when used in different situations, knowledge acquires new meanings. However, when knowledge becomes autonomous and separates from the subject, it loses its dynamism and depth of meaning, turning into information.

Keywords: knowledge, information, attributive and functional concepts, informology, information reality, information space, information genesis, meaning and significance

For citation: Kornienko A.A., Kukhalsky S.B. Interpreting the nature and non-classical characteristics of information: a labyrinth of research approaches on the threshold of the 21st century. *Journal of Wellbeing Technologies*, 2024, vol. 53, no. 2, pp. 195–205. DOI: 10.18799/26584956/2025/2/2015

Введение

Актуальность исследования обусловлена необходимостью формирования теории общества знания – общества, в котором роль доминирующих ресурсов развития играют знание и информация. Это, по сути своей, те логические конструкты, используя которые можно создать теорию когнитивного общества, что будет способствовать эффективному разрешению возникающих проблем. Объект исследования – общество знания. Предметная сфера определена сопоставлением конструктов знания и информации, выявлением степени и масштабов их тождества и различия.

Методологические основания исследования: применена совокупность методов, среди которых – методы аналогии и прогнозирования, метод аналогизирующего переноса, а также использован потенциал комплексной системной методологии и методологии прогностического анализа.

Обсуждение и результаты

Исследовательский интерес к феномену «информация» во второй половине XX в. был обусловлен достижениями таких наук, как теория каналов коммуникации и связи, математическая теория связи, статистическая теория связи, кибернетика, общая теория информации (информология). В области кибернетики был осуществлен анализ информационной природы управления сложноорганизованными системами. Активное изучение феномена информации связано с именами Н. Винера, Р. Хартли, К. Шеннона [1–3]. Практика управления требовала обращения к разработке дополнительных критериев информации, а исследование социальной информации вело к формированию ряда новых подходов.

Аналитики обратились к изучению таких аспектов информации, как количественный, семантический, семиотический, аксиологический, синтаксический, прагматический, онтологический, гносеологический. В философской литературе были сформированы атрибутивная и функциональная (функционально-кибернетическая) концепция информации. В проблемном поле атрибутивного подхода [4] в качестве конститутивных признаков информации выступают различие (информация связана с разнообразием) и связь с отражением. Функциональный подход сегодня ориентирован на идею развития средств атрибутивного подхода к информации, на идею возможности включения в арсенал атрибутивного подхода элементов функционального подхода, что возможно посредством расширенной интерпретации этих элементов. Обратим особое внимание на исследования Н.М. Чуринова [5], связанные с развитием информологии – науки об информации, законах передачи, распространения, обработки и преобразования информации. Н.М. Чуриновым предложена версия информологии как теории информационной реальности. Автор полагает, что философский базис информологии позволяет не просто изучить феномен информации, но исследовать информационную реальность и законы информациогенеза. Разнообразие, системность, сложность, организованность, упорядоченность отнесены Н.М. Чуриновым к характеристикам информационной реальности – в информации эти характеристики находят свое отражение. Однако в то же время релевантного предмету исследования определения информации наука до сих пор не обрела.

Сегодня в аналитической литературе обнаруживает свои возможности новая тенденция, в проблемном горизонте которой знание, ранее интерпретированное как образ познавательного, продукт познания, начинает исследоваться как понимание. К примеру, выявлению природы знания, рассмотренного в дискурсе понимания, посвящены работы А.Я. Райбекаса, М.А. Петрова [6, 7]. К примеру, эту тенденцию М.А. Петров связывает с изучением социокультурной природы человека: человек – субъект предметно-практической деятельности, эта деятельность опосредована языком, рассмотренным как продукт антропосоциогенеза. Сам процесс познания является определенным срезом взаимодействия человека и мира. А поскольку для человека становится все более нужным связать приобретаемое знание с целью и смыслом бытия, познавательный процесс может быть представлен как процесс понимания. Этот процесс, как считает М.А. Петров, определен «горизонтом жизни» субъекта познания, для которого знание означает понимание. В границах концепции подобного рода (в литературе она названа концепцией «понимающей») знание является системой. Авторы «понимающей» концепции (такова, к примеру, позиция М.А. Петрова), обращаясь к вопросу о различии знания и информации, считают: «...определение «информации» как отраженного многообразия позволяет понимать познавательный процесс как процесс «раскрытия» смыслов (содержания) информации, представленной в той или иной знаковой форме своей системной организации. Это позволяет рассматривать уровни процесса познания (чувственный, рассудочный, разумный) как определенные ступени преобразования информации (уровни понимания), каждый из которых имеет свою специфику ее организации и функционирования» [7, с. 5].

При этом диалектика информации и знания, интерпретируемая в дискурсе когнитивных установок как процесс превращения одного в другое, понята М.А. Петровым как связь формы и содержания; сам же познавательный процесс истолкован как процесс информационно-знаниевый. Автор утверждает, что «превращение» информации в знание не тождественно порождению знания; в основу порождения (понимания) положен процесс «раскрытия» информации, базирующийся на содержании тех форм культуры, с которыми связан социализирующийся субъект. И именно последнее автор рассматривает как уточняющее по отношению к социально-информационной реальности: это та семиотическая среда, то семиотическое информационное пространство, в котором для субъекта познания формируются смыслы информации [7].

В контексте «цивилизации знания» массивы информационных ресурсов не просто создаются во все более увеличивающихся объемах: это сосуществует с ускорением их применения в системах управления, что является в итоге доминирующим фактором оптимизации развития общества. Обратимся вновь к содержательной стороне понятия «информация», введенного для обозначения сведений, совокупности данных, знаний (от лат. *informatio* – разъяснение, изложение, осведомленность). В пределах сформированного системно-кибернетического подхода информация представляет собой составляющую фундаментального контекста кибернетической системы. Этот контекст включает в себя ряд аспектов: информационный (в системе реализуются процессы отражения внешнего мира и внутренней среды системы посредством сбора, накопления, переработки сигналов); управленческий (этот аспект ориентирован на процессы функционирования системы под воздействием приобретенной информации); организационный (с помощью этого аспекта можно охарактеризовать качественное состояние управления системой с позиции надежности, жизнеспособности и полноты функций управления системой). Носителем информации выступает сообщение, кодированный заместитель произошедшего события. В данном исследовании делается акцент на функциональную специфику информации (в то время как атрибутивный подход фокусирует внимание на информации как атрибуте материи, в пределах функциональной концепции предметом анализа является информация, рассмотренная в дискурсе функционирования самореализующихся систем). В границах функционального подхода отражен динамический характер и смысл информационных процессов: получаемая субъектом информация включается в контур познания и управления. Многоаспектность решения информации позволяет подходить к информации с позиции ее различной интерпретации. Так, Н. Винер пишет об информации как том содержании, которое получено от мира через процессы адаптации к миру; отрицание энтропии видит в информации Л. Бриллюэн; К. Шеннон говорит о коммуникации и связи информационных процессов, в результате которых устраняется неопределенность; об информационной передаче разнообразия пишет У. Эшби; меру сложности структур видит в информационных процессах А. Моль [1, 3, 8, 9, 10]. По сути, речь идет об информации как мере неоднородности распределения материи и энергии, а также той мере измерений, которая сопровождает процессы.

Подчеркнем немаловажную деталь взаимоотношения «знание–информация». Знание – это всегда информация, но выражена эта информация посредством использования языка и для другого. Именно это обстоятельство позволило Б.И. Пружинину увидеть перспективу анализа эпистемологической проблематики «цивилизации знания», ориентированной на консолидацию современного сообщества ученых и, тем самым, преодолевающей прагматизирующую и социологизирующую направленность процессов и прикладнизации «наук» [11].

Возможно ли утверждать, что сегодня меняется функциональное назначение информации? Обратимся к работе П. Друкера «Следующая информационная революция» [12], где, говоря о природе информационной революции, происходящей в течение последних 50 лет, автор связывает ее специфику с таким феноменом, как данные: речь идет об их сборе, хранении, передаче, анализе, представлении. Ситуация, однако, резко изменилась и привела к

смещению акцентов: центральными для происходящей сегодня модернизации информационной сферы стали иные задачи, иные проблемы. Этими проблемами стали проблемы смысла и функционального значения. Информация, полагает П. Друкер, сегодня трансформирует свои функции; естественным образом это влияет на те общественные институты, базисным ресурсом для деятельности которых информация является. Таковы институты власти, управления (в XV в. такими институтами, ключевыми для общества, были церковь и университет).

Как проходил этот процесс, приведший к перераспределению функций информации? П. Друкер показывает это на богатейшей истории индустрии печати, которая возникла до изобретения печатного прессы и искусства гравировки. В Европе середины второго тысячелетия функцию информационной индустрии взяли на себя монастыри, где трудились хорошо подготовленные монахи, переписывая книги весь световой день – четыре страницы в день и 1200–1300 страниц в год. У П. Друкера находим существенную деталь: «...Через пятьдесят лет, в 1500 году, у монахов не осталось работы. Этих монахов (некоторые оценки показывают, что их общая численность в Европе превышала 10.000) заменило небольшое число ремесленников печатников, которых по всей Европе было не более 1.000 (хотя в Скандинавии они тогда только начинали появляться). Для выпуска печатной книги была необходима согласованная работа до 20 таких ремесленников, от одного высококвалифицированного резчика шрифтов до десятка или больше относительно низкоквалифицированных переплетчиков. Такая группа ежегодно выпускала примерно 25 наименований книг, в среднем по 200 страниц в книге, или 5000 готовых к размножению страниц» [12, с. 65].

К этому времени обыденными были тиражи в 500 экземпляров. Печатники выпускали 25 миллионов печатных страниц в год. Всего за 50 лет кардинально изменилась ситуация на том книжном рынке, для которого работали «князья» печатного дела и «виртуозы» печатного прессы. В год выходило 125 000 переплетенных, хорошо иллюстрированных книг. Поражает резкий скачок объема: на одного печатника приходилось 2 500 000 страниц в год, в то время как пятидесятилетием раньше монах смог бы переписать, как было указано выше, всего 1200–1300 страниц. Упали цены на книги. В момент изобретения технологии Гутенберга книги относились к предметам роскоши, но уже в 1522 г. качественно изданную печатную Библию Мартина Лютера могла позволить себе в Германии любая семья.

В XXI в. информационная революция обрела статус мощнейшего фактора, оказывающего влияние на все сегменты общественной жизни. Ранее информация была способна проявить наиболее наглядно и полно свой потенциал в сфере коммерческих отношений. П. Друкером совершающаяся сегодня информационная революция в череде цивилизационных процессов названа четвертой. С именами «князей» печатного дела, «виртуозов» печатного прессы (Алдус Манутиус, Кристоф Плантен) XVI в. связывает первые массовые книги, соединившие технологии печати и гравировки. Созданное этими ремесленниками из Венеции и Антверпена изменило значение информации. Интенсивно развивается сфера университетского образования, готовится почва для Реформации: «...самое большое влияние, однако, книгопечатание оказало на центр догутенберговой Европы – церковь. Книгопечатание сделало возможной протестантскую Реформацию. Более ранние реформаторы, Джон Уиклифф из Англии (1330–1384) и Ян Гус из Богемии (1372–1415), также встречали восторженный прием. Но их революционные мысли не могли перемещаться дальше и быстрее, чем сказанное слово, и потому могли быть локализованы и подавлены. Все изменилось, когда 31 октября 1517 года Мартин Лютер прибил свои девяносто пять тезисов к двери собора в никому не известном германском городке. Он намеревался всего лишь провести традиционный в церкви богословский диспут. Однако без согласия Лютера (и, вполне вероятно, без его сведения) тезисы немедленно были распечатаны и распространялись бесплатно по всей Германии, а затем и по всей Европе. Именно эти отпечатанные тезисы и разожгли пожар религиозных споров, который впоследствии вырос в Реформацию» [12, с. 66].

Изобретение Гутенберга открыло шлюзы эпохе географических открытий и одновременно изменило социальный статус технологов предыдущей информационной революции: «...Около 1580 года печатники с их концентрацией на технологии стали обычными ремесленниками, уважаемыми профессионалами своего дела, но уже не членами высшего класса. Их место вскоре оказалось занято теми, кого мы сегодня называем издателями (хотя этот термин появился гораздо позже), людьми и фирмами, чьей главной задачей в ИТ была не Т, а И. Это случилось как раз тогда, когда новая технология начала оказывать влияние на НАЗНАЧЕНИЕ информации, а с ним и на назначение и функции ключевых институтов XV века – церкви и университета. Это случилось в тот самый момент, в котором сейчас находимся мы в сегодняшней информационной революции, когда происходит изменение сущности информации, а с ней и переопределение ее функции» [12, с. 67].

Действительно, начавшаяся четвертая информационная революция повлияла на мир: совокупность проблем, подлежащих разрешению, стала кардинально иной; трансформировались институциональные общественные структуры и институты, формируемые для разрешения этой совокупности проблем. Одним из важнейших в этом ряду был и остается институт управления.

Классический подход к знанию базируется на идее признания в статусе идеала знания явного знания. Это знание, имеющее четкую рациональную форму (в качестве идеала такой структуры знания выступает математическое описание), знание, представленное как система, знание структурированное. Однако информационная эпоха формирует новые формы знания и новые способы его организации. К примеру, аналитики в совокупности этих новых форм называют организационное знание. Анализирующие феномен современного управления увидели в современной организации такую ее характеристику, как рациональность. Организация имеет дело как со знанием, основанным на традиционном представлении о рациональности, так и с новыми формами рационального организованного знания, например неявного знания. В его массив входит организационная культура, традиции, обычаи и многое другое, что трудно поддается формализации и приданию этим знаниевым массивам рациональных форм. Исследователи формируют сегодня для применения в практике управления знанием особый понятийный аппарат. В понятийные ряды входят такие концепты, как «организационный разум», «корпоративный IQ», «электронная нервная система». Л. Эдвинссоном и М. Мэлоуэном введено для решения ряда проблем управленческой направленности понятие «интеллектуальный капитал», включающий в себя «человеческий капитал» и «структурный капитал»: «...1. Человеческий капитал. Совокупность знаний, практических навыков и творческих способностей служащих компании, приложенная к выполнению текущих задач. Другими его составляющими являются моральные ценности компании, культура труда и общий подход к делу. Человеческий капитал не может быть собственностью компании. 2. Структурный капитал. В эту категорию входят техническое и программное обеспечение, организационная структура, патенты, торговые марки и все то, что позволяет работникам компании реализовать свой производственный потенциал – иными словами, то, что остается в офисе после ухода служащих домой. Структурный капитал также включает в себя отношения, сложившиеся между компанией и ее крупными клиентами. В отличие от человеческого капитала структурный может быть собственностью компании, следовательно, и объектом купли-продажи» [13, с. 434].

Аналитические работы по проблемам управления Д. Тиса посвящены «знаниевым активам». Специфику управления «знаниевыми активами» Д. Тис видит в том, что «...знание может перемещаться, передаваться, возможны утечка знаний, имитация, копирование. Есть еще одна особенность: знание является «клейким», оно приклеивается к организациям и к конкретным людям. Знания трудно создавать. Для этого нужны очень хорошо подготовленные, талантливые люди. В большинстве лабораторий 90 % результата являются плодами трудов

2 % ведущих ученых. Доступ к этим активам не очень легок. Их нельзя продавать и покупать на свободном рынке. Для доступа к ним существуют правовые барьеры» [14].

Есть и еще одна особенность, касающаяся изменения фундаментальной и прикладной рациональности: «Традиционное понимание рациональности подразумевает наивысшую ценность теоретического фундаментального знания, которое в конечном счете реализуется в прикладном знании. Однако в современном научном знании изменяется соотношение фундаментальной и прикладной рациональности. Возникает ситуация, когда техническое знание действительно базируется на достижениях фундаментальной науки, однако для многих видов высококвалифицированной технической деятельности знание фундаментальных научных законов не требуется. Причем в данном случае речь идет о создании новых технологий и новых технических устройств» [15, с. 304]. И при переходе к информационному обществу происходит не только увеличение объемов информации и меняется скорость ее передачи, но и осуществляется процесс новой организации информации, а при ее производстве и использовании применяются принципы новой рациональности. Знание, полученное таким образом, имеет контекст своего формирования. Этим контекстом является диалог.

Примечательно, что сегодня в работах, касающихся проблем искусственного интеллекта, поднимаются такие вопросы, как представление знаний, апостериорность экспертного знания, и широко используется философский понятийный аппарат (знание, онтология, интроспекция), хотя безусловным является несколько иная смысловая наполненность этих понятий. Интерпретируя знание, аналитики (Д. Тис, Л. Эдвинссон, М. Мэлоун) сопоставляют «данные» («база данных») и «знание («база знаний»)», понимая под данными имеющуюся информацию, а под знанием – ту информацию, для которой сформированы правила использования (правила вывода и другой рациональной трансформации имеющейся информации). В.А. Лекторский обращается к серьезнейшей проблеме – проблеме достоверности информации. «В эпистемологии... считалось, что это истинное и обоснованное мнение. Его и следует считать подлинной информацией. Что касается наличия правил трансформации исходных данных (правила вывода и других способов оперирования данными), то они, конечно, есть у человека как у любого познающего существа. Но роль этих правил не только в том, чтобы быть применимыми к имеющимся данным, но и в том, чтобы использоваться для получения самих этих данных» [16, с. 23], поскольку достоверным, можно полагать лишь то, что обосновано. И получается, что данные – это знание. Если данные недостоверны, они не обретут статуса знания. Примером этого является информация, полученная из СМИ и взятая без проверки.

При сопоставлении знания и информации можно столкнуться с утверждением о возможности трансформации знания в информацию. В чем суть этого утверждения и почему о подобном превращении аналитики заговорили лишь в информационном обществе? Выше отмечено, что в обществе знания (а этот конструкт представляет собой усиленную версию общества информационного) основной характеристикой социального развития является «децентрация» социальной структуры, всех ее составляющих (в отличие от их концентрации в индустриальном обществе). Исчез центр, исчезло функциональное назначение центра. Ранее роль такого центра могло играть материальное производство; современность отказалась от взгляда на экономический фактор как на нечто такое, что «держало» в целостности и единстве все, что входило в понятие социальной структуры. Исследователи, описывая вслед за О. Тоффлером явление утраты центра, обратились к иной терминологии, заговорив, в частности, о «разунификации» общества. Автор связывает невозможность претензий любого феномена на роль центра с тем, что исчезли условия, предопределявшие существование самого конструкта центра. Одним из факторов, разрушивших понятие центра, размывших само представление о центре, стала информация. На стадии информационного развития постиндустриальное общество обрело невиданную ранее специфику – редкостную динамичность и

нестабильность информационных потоков, появление невиданных ранее массивов новой информации, которые порождали ощущение непрекращающейся изменчивости и неустойчивости социальных структур и институтов. О беспрецедентности децентрализованной, разунифицированной современности, о скорости трансформации информационного общества пишут, к примеру, М. Барбер, Ж. Липовецки, З. Бауман, Н.В. Чиркова и Г.И. Петрова, Ф.В. Лебедев. «Современная “картина мира”» – это постоянная смена и калейдоскопическое изменение ее различных рисунков, которые в своих мельканиях теряют предметное содержание и не могут уже репрезентировать мир как его естественную, объективную «картину». Мелькающий в непрерывности движения мир видится во внепредметности «разрывов» и «отношений», в безостановочности «переходов» всех социальных структур к их все новым и новым качественным состояниям» [17, с. 105].

Что, однако, представляет собой информация и как она соотносена со знанием? Рядом авторов (Н.В. Чирковой, Г.И. Петровой) информация интерпретирована как современная форма знания, которое «традиционную функцию обслуживания различных социальных сфер трансформировало в механизм и основное средство общественного развития в целом» [18, с. 103].

Н.В. Чиркова полагает, что именно так понимаемое знание-информация является объединяющим социальные структуры. Общество не может не иметь устойчивой структуры, которая выполняла бы функцию центра: «держит», объединяет общество динамичная, меняющаяся, текучая информационная взаимосвязь социальных структур. И, по мнению авторов статьи, ситуация парадоксальна в силу того, что устойчивость общества базируется на постоянно обновляющейся информации, текучей, неустойчивой, меняющейся, подверженной непрестанной динамике и проявляющей эту динамичность [19, с. 69–70].

Что же означает тезис «превращение знаний в информацию»? В чем различие и сходство знания и информации? Понимание сущности знания традиционно связано с совокупностью фактов, эмпирических данных, теоретических обобщений – в создании знания применяется потенциал чувственного и рационального познания. Существует активная форма знания (так бывает, когда знание находится в процессе использования) и форма пассивная (в этом случае знание объективировано в той информации, которую содержат, например, тексты, хранящиеся в библиотеках и т. п.).

Информационное общество меняет форму интерпретации знания. Сегодня эта проблема исследуется в границах информационной эпистемологии, как и в границах эпистемологии компьютерной. И когда информационность называют характеристикой современного общества, имеют в виду то, насколько общество наполнено знанием, тем знанием, которое трансформировано в виртуальность, превращая реальный мир в мир искусственный; в этом мире информация превращена в конструктор современной реальности. Понятие знания имеет длительную историю своего развития, в которой для каждого нового этапа существовала своя метафора. Во времена античности эта метафора – таблички, запечатлевающие внешние впечатления. В Новое время такой метафорой (метафорой сознания) стал наполняемый знанием сосуд. В XX в. речь шла уже в субъекте, активно участвующем в поиске истины и столь же активно конструирующем мир. Иными словами, познание интерпретировалось с акцентом либо на потенциале сознания как отражения, либо на конструировании с помощью разума реальности; но сегодня на смену этим метафорам пришла метафора «компьютерной конструкции» – в ней знание становится информацией. В метафору разума превращена интеллектуальная система, воплощенная в компьютере. В работе таких интеллектуальных систем (метафор разума в современную эпоху) применяются различные модели знаний (логические модели, продукционные модели, сетевые модели); для интеллектуальных систем существует специфический подход к представлению и обработке нечетких знаний (подход на основе условных вероятностей, подход с использованием коэффициентов уверенности, потенциал

нечеткой логики Лотфи Заде); определены методы поиска решений на основе знаний (вывод заключений в логических моделях, язык программирования логики, стратегия поиска решений для систем продукций, методы поиска решений в сложных пространствах). Для интеллектуальных систем разработан и процесс приобретения знаний, созданы модели нейронных сетей, методы обучения нейронных сетей и механизмы их проектирования.

Заключение

Если попытаться изложить наиболее общее, касающееся различия знания и информации, можно сказать следующее: знание всегда связано с субъектом. Субъект открывает знание, применяет его в различных средах и контекстах. Знание – всегда творческое, живое, это проявляется, в том числе, и в том, что, будучи использованным в разнообразии контекстов, знание обретает новые смыслы. Однако, становясь автономным, независимым по отношению к субъекту, оно утрачивает свою динамичность и богатство смыслового содержания. И именно так отделенное от субъекта знание превращается в информацию («информация – это знание минус субъект или знание – это информация плюс субъект» по формуле, предлагаемой Б.К. Турчевской [20, с. 28]). О бессубъектном существовании информации, в котором знание освобождено от контроля человека и словно обретает отчужденную форму, пишут сегодня многие авторы (Г.И. Петрова, Н.В. Чиркова, Б.К. Турчевская). Знание и раньше стремилось уйти из сферы человеческого контроля, нравственных регулятивов. Вероятно, этим обусловлена та оценка и позиция Л. Бриллюэна, который писал, характеризуя информацию в «Науке и теории информации»: «Информация есть сырой материал и состоит из простого собрания данных, тогда как знание предполагает некоторые размышления или рассуждения, организуя данные путем их сравнения и классификации» [8, с. 11].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Винер Н. Информация, язык и общество // Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине. URL: <https://djvu.online/file/yNhnNJlv3Tn6R?ysclid=m7lth6lsrg999502444> (дата обращения 03.06.2024).
2. Hartley R.V.L. Transmission of information // Bell System Technical Journal. – 1928. – № 7. – P. 535–563. DOI: 10.1002/j.1538-7305.1928.tb01236.x URL: https://www.dotrose.com/etext/90_Miscellaneous/transmission_of_information_1928b.pdf (дата обращения 16.07.2024).
3. Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетике: сборник статей. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1963. – 829 с.
4. Урсул А.Д. Природа информации: философский очерк. – 2-е изд. – Челябинск: Челяб. гос. акад. культуры и искусств, 2010. – 231 с.
5. Чуринов Н.М. Философские основания информологии. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1990. – 233 с.
6. Райбекас А.Я., Петров М.А. Феномен информации и знание: монография. – Красноярск: Красноярский гос. Ун-т, 2006. – 134 с.
7. Петров М.А. О соотношении понятий «знание» и «информация»: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Красноярск, 2005. – 26 с. EDN: NIJZGD.
8. Бриллюэн Л. Наука и теория информации. – М.: ЁЁ Медиа, 2012. – 390 с.
9. Эшби У. Введение в кибернетику. – М.: Издательство иностранной литературы, 1959. – 432 с.
10. Моль А. Теория информации и эстетическое восприятие. – М.: Мир, 1966. – 350 с. URL: <https://djvu.online/file/K0ZPrw5NTMEEJ?ysclid=m7lyslm9j773520061> (дата обращения: 20.12.2023).
11. Пружинин Б.И. Наука и эпистемология в «цивилизации знания» // Эпистемология: перспективы развития. – М.: Канон+, 2012. – С. 189–198.
12. Друкер П. Следующая информационная революция // Образовательная политика. – 2010. – № 1–2 (39–40). – С. 60–67. EDN: VZZJLD.
13. Эдвинссон Л., Мэлоун М. Интеллектуальный капитал. Определение истинной стоимости компании // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. – М.: Academia, 1999. – С. 429–447.
14. Денисова Д. Время продавать знания. URL: <http://www.silicontaiga.ru/home.asp?artId=2826> (дата обращения 25.09.2024).
15. Сидоров А.Ю. Новая философия управления // Информационная эпоха: вызовы человеку: коллективная монография. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 282–305.

16. Лекторский В.А. Что есть знание? // Знание как предмет эпистемологии. – М.: ИФ РАН, 2011. – С. 4–25.
17. Петрова Г.И., Ковальчук Ф.А. Образование в информационном обществе: решение проблемы формирования «человека успешного» // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2010. – № 3–1 (16). – С. 105–110. EDN: NVUMIZ.
18. Петрова Г.И., Стаховская Ю.М. Когнитивный менеджмент – инновационная стратегия теорий управления в информационном обществе // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2010. – № 2 (10). – С. 101–115. EDN: NEJUIF.
19. Чиркова Н.В. Культурно-антропологические аспекты современной педагогической мысли // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 325. – С. 69–72. EDN: LHQTNN.
20. Турчевская Б.К. Знание и информация: от тождества к различию // Актуальные проблемы современной философии. – Вып. 4. – Томск: Изд-во ТПУ, 2006. – С. 26–29.

Информация об авторах

Анна Анатольевна Корниенко, кандидат технических наук, доктор философских наук, доцент Отделения управления бизнесом и инновациями Бизнес-школы Национального исследовательского Томского политехнического университета, Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 30; anna_kornienko@mail.ru

Сергей Борисович Кухальский, соискатель Школы общественных наук Национального исследовательского Томского политехнического университета, Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 30; sergius.ranger@gmail.com

Поступила в редакцию: 01.03.2025

Поступила после рецензирования: 10.05.2025

Принята к публикации: 30.06.2025

REFERENCES

1. Viner N. Information, language and society. *Cybernetics. Of control and communication in the animal and the machine*. (In Russ.) Available at: <https://djvu.online/file/yNhnNjlv3Tn6R?ysclid=m7lth6lsrg999502444> (accessed 3 June 2024).
2. Hartley R.V.L. Transmission of information. *Bell System Technical Journal*, 1928, no. 7, pp. 535–563. DOI: 10.1002/j.1538-7305.1928.tb01236.x Available at: https://www.dotrose.com/etext/90_Miscellaneous/transmission_of_information_1928b.pdf (accessed 16 July 2024).
3. Shannon K. *Works on information theory and cybernetics: Collection of articles*. Moscow, Foreign Literature Publ. House, 1963. 829 p.
4. Ursul A.D. *The nature of information: a philosophical essay*. 2nd ed. Chelyabinsk, Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts Publ., 2010. 231 p. (In Russ.)
5. Churinov N.M. *Philosophical foundations of informology*. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk University Publ. house, 1990. 233 p. (In Russ.)
6. Raibekas A.Ya., Petrov M.A. *The phenomenon of information and knowledge: monograph*. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk State University Press, 2006. 134 p. (In Russ.)
7. Petrov M.A. *On the relationship between the concepts of "knowledge" and "information"*. Cand. Diss. Abstract. Krasnoyarsk, 2005. 26 p. (In Russ.) EDN: NIJZGD.
8. Brillouin L. *Science and theory of Information*. Moscow, ЁЁ Media Publ., 2012. 390 p. (In Russ.)
9. Ashby W. *Introduction to cybernetics*. Moscow, Foreign Literature Pub. House, 1959. 432 p. (In Russ.)
10. Mol A. *Information theory and aesthetic perception*. Moscow, Mir Publ., 1966. 350 p. (In Russ.) Available at: <https://djvu.online/file/K0ZPrw5NTMEEJ?ysclid=m7lyslm9j773520061> (accessed 20 December 2023).
11. Pruzhinin B.I. Science and epistemology in the “Civilization of Knowledge”. *Epistemology: Development Prospects*. Moscow, Canon+ Publ., 2012. pp. 189–198. (In Russ.)
12. Drucker P. The next information revolution. *Educational Policy*, 2010, no. 1–2 (39–40), pp. 60–67. (In Russ.) EDN: VZZJLD.
13. Edvinsson L., Malone M. Intellectual capital. Determining the true value of a company. *New post-industrial wave in the West. Anthology*. Moscow, Academia Publ., 1999. pp. 429–447. (In Russ.)
14. Denisova D. *Time to sell knowledge*. (In Russ.) Available at: <http://www.siliconaitaiga.ru/home.asp?artId=2826> (accessed 25 September 2024).
15. Sidorov A.Yu. New philosophy of management. *Information age: challenges to man: collective monograph*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010. pp. 282–305. (In Russ.)
16. Lektorsky V.A. What is knowledge? *Knowledge as a subject of epistemology*. Moscow, IF RAS Publ., 2011. pp. 4–25. (In Russ.)

17. Petrova G.I., Kovalchuk F.A. Education in the information society: solving the problem of forming a “successful person”. *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*, 2010, no. 3-1 (16), pp. 105–110. (In Russ.) EDN: NVUMIZ.
18. Petrova G.I., Stakhovskaya Yu.M. Knowledge management as innovational strategy of management theories in informational society. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2010, no. 2 (10), pp. 101–115. (In Russ.) EDN: NEJUIF.
19. Chirkova N.V. Strategical directions of modern pedagogical anthropology. *Tomsk State University Journal*, 2009, no. 325, pp. 69–72. (In Russ.) EDN: LHQTNN.
20. Turchevskaya B.K. Knowledge and information: from identity to difference. *Actual problems of modern philosophy*. Iss. 4. Tomsk, TPU Publ. House, 2006. pp. 26–29. (In Russ.)

Information about the authors

Anna A. Kornienko, Cand. Sc., Dr. Sc., Associate Professor, National Research Tomsk Polytechnic University, 30, Lenin avenue, Tomsk, 634050, Russian Federation; anna_kornienko@mail.ru

Sergey B. Kukhalsky, Postgraduate Student, National Research Tomsk Polytechnic University, 30, Lenin avenue, Tomsk, 634050, Russian Federation; sergius.ranger@gmail.com

Received: 01.03.2025

Revised: 10.05.2025

Accepted: 30.06.2025